

Т. И. Краснова

А. С. ПУШКИН В ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

«Россия должна понять самое себя, – заметил в юбилейные пушкинские дни во время своего пребывания в Петербурге писатель Валентин Распутин. – Мне кажется, мы должны сами в себе разобраться... не одно столетие мы ориентированы на Европу... Мы многое оттуда взяли – и хорошее и плохое. Но после этого нам все-таки недостает самих себя, правильного понимания самих себя. Мы все еще не стали такими, каким был Пушкин»¹. Очевидно, здесь подразумеваются слова Н. В. Гоголя, сказанные им еще при жизни Пушкина в 1832 г.: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его конечном развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет»².

С человеком в России по-прежнему трудно. Что же касается должного понимания Россией самой себя через творческую судьбу и личность А. С. Пушкина, то здесь несомненно одно – эту духовную работу давно уже совершила Россия Зарубежная. Ее вклад в пушкиноведение в том объеме и разнообразии, которые мы сейчас имеем, можно назвать не только значительным, но и уникальным. Таким он является в силу тех обстоятельств эмиграции, в которых оказались лучшие представители интеллектуальной элиты России после 1917 и 1922 гг.³ Для них (а благодаря им и для всех русских эмигрантов) главным ежегодным событием, главным праздником Зарубежной России стал день рождения А. С. Пушкина, названный Днем Русской Культуры. *В чужой стране, далеко от родных пределов, исстрадавшиеся и утомленные, но не забывшие и не разлюбившие, собираемся мы здесь, отторгнутые сыны, живые обломки нашей чудесной и несчастной России. Собираемся для того, чтобы сказать друг другу, что мы – по-прежнему ее верные сыны, что по-прежнему мы ею живем и дышим, и что алтари ее будут святы в наших сердцах до последнего нашего земного вздоха.../ Этот День Русской Культуры есть как бы день нашей свободно и добровольно из глубины обновляемой присяги, не формальной, а таинственно-духовной, - присяги на духовную верность нашей Родине. Что бы ни случилось с нами, какие бы еще испытания и страдания ни ожидали нас впереди, - ей принадлежат и будут принадлежать наши помыслы, наши мечты, наши усилия и труды, ей и ее грядущему, невиданному еще расцвету. / Это верно так, как священны ее святыни, как велики ее пророки и зиждители, как крылат ее дух и могуч ее язык. Это верно, как есть Бог и благодатны пути Его (Ильин И. А. Родина и гений // Перезвоны. Рига, 1926. № 22).*⁴

Одно немаловажное замечание. Мы твердо придерживаемся того мнения, что наименование Зарубежная Россия по праву должно относиться лишь к русской эмиграции «первой волны».

Явление это, конечно, не географическое, а культурное. Интерес к Зару-

бежной России огромен и закономерен, с ним, хочется думать, связан новый период в истории отечественной культуры. Отдельно существовавшие, изолированные в массовом сознании, культурные пространства дореволюционной России, Советской и Зарубежной России, сейчас вольно или невольно начинают взаимодействовать в новом культурно-историческом поле – в другой, в нашей России, еще смутной, не определившейся, еще «не понявшей еще самое себя» (В. Распутин). Но если нам чего-то сейчас и недостает, так это веры в культуру, в русскую культуру, а уж потом только в самих себя. Именно в этом состоит один из главных, выстраданных ею во многих странствиях, уроков эмиграции. Приоритет культуры перед государственностью в деле объединения и сохранения национальных начал подчеркивали сами изгнанники. Через сохранение национальной культуры, русской духовности сохранялась и надежда на возрождение русской государственности. *Мы видели примеры, как государственность исчезала, как народ на полтора века терял свое государство и все-таки воскресал потому, что сумел не потерять своей национальной культуры. Уцелевшая культура возрождала умершее государство, как бы иллюстрируя обеты Писания о воскресении тел. Я существую, потому что я мыслю, говорил великий мыслитель; так и народ живет своей национальной жизнью потому, что имеет культуру, а не потому, что он втиснут в рамки принудительного объединения – государства. Это полезно не забывать (Маклаков В. Русская культура и А. С. Пушкин // «Современные записки». Париж, 1929, № 29). Не пытайтесь свести Родину к телесному, к земле и природе... Посмотрите: силу судеб мы оторваны ото всего этого; а она незримо присутствует в нас. Она не покинула нас, и мы не оторвались от нее; а внешняя разлука состоялась уже давно. (...) А детей наших поведем и приведем к нашим алтарям, к нашим пророкам и нашим гениям. А из гениев — прежде всего и навсегда — к Пушкину... Ибо здесь они найдут солнечное средоточие нашей истории. Здесь они найдут свою Родину» (Ильин И. А. Родина и гений // Перезвоны. Рига. 1926. № 22).*

Отношение к личности А. С. Пушкина, к его творчеству в среде эмигрантов «первой волны» имело совершенно особый, культовый характер и одновременно прагматический. В условиях эмиграции понятия Пушкин и Россия становились нераздельными, с неизбежностью идеологизировались. Больше того, для них, «жестоко национально израненных», Пушкин олицетворял собою не только вечно живое национальное прошлое, но и драматическое настоящее, а также многообещающее будущее России. *Среди мучительных переживаний современности, когда наша Родина стонет под тяжким гнетом, а мы, ее изгнанники, едим горчащий хлеб изгнания в нищете и унижении, когда отчаяние порой готово охватить малодушное, пострадавшее сердце, — радостно вдруг осознавать, не разумом только, но сердцем почувствовать, что вопреки всем унижениям, всякому презрению, которых пьем мы полную чашу, все же принадлежим мы к великому, к величайшему в мире народу. / А это чувство, это неоспоримое сознание никто в нас не будит так ясно, так ярко, как именно Пушкин — «наше все», по словам Достоевского.⁵ Его мятущаяся, его много-*

гранная душа, как в зеркале, отразила всю полноту Русской души, и самый жизненный путь его, исполненный то нравственных падений, то высочайших взлетов духа, так ярко отображает исторический путь нашей Родины, которой одинаково близки и глубокие пропасти, и высочайшие вершины духа (Архиепископ Нестор. Пушкин и современность // Наш путь. Харбин, 1937. № 37. 11 февр.). Можно быть и в ином смысле национальным – не отображая или обнажая народную душу, а ее воспитывая. Таков в русской культуре – Пушкин. Пушкин выковал язык, на котором говорили поколения; его были первые стихи, разучиваемые в детстве, и первые повести, вскармливающие отроческое воображение; его эмоциональные формулы чеканили десятилетиями чувства подрастающих поколений, его образы утверждались в памяти и в годы пластичной юности ее оформляли. / Пушкин – поэт сознательности, равновесия, ясно-го горизонта. И как Пушкин – поэт синтеза личности, так он и поэт синтеза общественности-государственности. В некотором смысле это его замечательная черта. Единственный из великих русских писателей – да и из одних ли великих – он воспел государственность, ее героев. Ее победы, ее создания; воспел «труды державства и войны» (Ландау Г. Пушкин как воспитатель // Руль. Берлин, 1924. № 1067. 8 июня). Пушкин почувствовал всю силу русской истории, которую России дал Господь Бог и вне которой для России не может быть места в мир... Петр сказал как-то, что он заставил Россию пойти на выучку Западу для того, чтобы мочь впоследствии повернуться к нему спиной. / не таков ответ, данный явлением Пушкина на реформы Петра. Лицом обращен Пушкин к Западу. Предубеждения против запада у него не было. Потому не было, что он ощущал силу свою почвенно русского человека, способного противустоять соблазнам Западу, ибо крепко стоящего на духовной основе своего исторического бытия. / В этом смысле Пушкин был некоей идеальной точкой равновесия русской духовной культуры: он явил собою меру следования за Петром по его пути следования за Западом (Архимандрит Константин. Жив ли Пушкин? // Православная жизнь. Джорданвилль, 1962. № 3). Пушкин продолжает дело Петра. Оба они знают или пророчески угадывают, что назначение России соединить Европу и Азию, Восток и Запад в грядущей всемирности... Пушкин, так же как Петр, - не дар, а залог, не исполненье, а обещанье русской всемирности... Вот почему сейчас так, как никогда, нужен Пушкин обеим Россиям. Что их две — одна здесь, в изгнание, другая там, в плену, — это очень страшно; но надо смотреть правде в глаза: это сейчас так; на две половины расторгнута Россия. И мы только верим, что обе половины соединятся. Непреложное свидетельство единой России - Пушкин. Он - примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду» (Мережковский Д. Пушкин с нами // День русской культуры Париж, 1926. 8 июня). Пушкин не отрицался национальной силы и государственной мощи. Он ее, наоборот, любил и воспевал. Недаром он был певцом Петра Великого. / И в то же время Пушкин, этот ясный и трезвый ум, этот могучий выразитель земной силы и человеческой мощи, почтительно и смиренно склонялся перед необъяснимой тайной Божьей, превышающей все земное и

человеческое... И о делах мира сего Пушкин знал, что всякая земная сила, всякая человеческая мощь сильна мерой и в меру собственного самоограничения и самообуздания. Ему в земных делах и оценках была чужда расслабленная, нездоровая чувствительность, и вместе с тем ему прямо претила пьяная чрезмерность, тот прославленный в настоящее время «максимализм», который рождается в угаре и иссякает в похмелье... / Вот почему Пушкин — первый и главный учитель для нашего времени, того трудного исторического перегона, на котором одни сами еще больны угаром и чрезмерностью, а другие являются жертвами и попутчиками чужого пьянства и похмелья» (П. Б. Струве, Белград, февр. 1937).

К справедливости сказать, в эмигрантской печати, в газетах периода гражданской войны и после нее имя Пушкина встретить было почти невозможно. Всё заслоняли военные и политические события: судьба России решалась оперативным путем – в военных действиях и дипломатических акциях. Редкие сообщения, связанные с именем поэта в среде русской диаспоры, носят характер сугубо культурной, ориентированной по месту информации. Поводом своим она имеет прежде всего события календарные. Таким, например, является скромное (в правом углу 5-й полосы) сообщение в газете «Накануне» (№ 127) о Пушкинском вечере, который состоится в кафе «Леон» 6 июня 1924 г. по случаю 125-летия со дня рождения А. С. Пушкина. В одной из комнат кафе устроен «уголок Пушкина» (книги, иллюстрации, портреты). В «Литературной неделе» (приложении к газете от 8 июня 1924 г.) печатается статья «Пушкин в искусстве», где читателю рассказывают о прижизненных портретах Пушкина (похож или не похож), об искусстве иллюстрации к его произведениям и т. п. Конечно, такие публикации имели в большей степени занимательный, даже рекламный характер.

Как нам сейчас представляется, самыми значительными явлениями послевоенной поры, как для Советской, так и для Зарубежной России, были два совершенно разные события: одно из них (культурное) состоялось в феврале 1921 г. в Петрограде, другое (политическое) в июне того же года – в Париже.

11 февраля 1921 г. в Петрограде в Доме литераторов состоялось «собрание представителей литературных и культурно-просветительских учреждений и организаций». Оно приняло «Декларацию о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти». В это время в Советской России существовала еще идейная оппозиция, и ее влияние ощущается, хотя и в завуалированной форме, в тексте Декларации. Там, в частности, говорится: «Новая русская литература начинается с Пушкина и Пушкиным. До Пушкина наша литература была оранжерейным растением, утехой немногих любителей ... До Пушкина на литературу смотрели свысока, то покровительствуя ей, то пренебрегая ею. После Пушкина литературы начинают бояться ... Вся история русской литературы после Пушкина — история великой борьбы, в которой литература совершенно одинока ... В России выход в свет книги, постановка пьесы, даже опубликование газетной статьи часто приобретают значение событий первостепенной политической важности. Русская история знает чисто литератур-

ные события, которые имели не меньшие последствия, чем выигранные или проигранные сражения, дипломатические трактаты или акты внутреннего законодательства (подчеркнуто мною. – Т. К.)... чувство благоговения перед Пушкиным, которое всегда было свойственно лучшим русским людям последних трех поколений, не должно угаснуть — оно должно разрастаться. Оно должно стать всеобщим, всенародным. И свое выражение это чувство найдет в ежегодном торжественном чествовании всей Россией памяти великого поэта»⁶. Таким образом, именно в Советской России (Совдепии, как говорили эмигранты) принадлежит инициатива воссоздать традицию празднования пушкинских дней, которая зародилась еще в XIX веке. Почетным председателем торжественного собрания, принявшего декларацию, был А. Ф. Кони, членами президиума — А. Ахматова, А. Блок, Н. Гумилев, А. Куприн, Ф. Сологуб, В. Ходасевич и др. В дальнейшем, как известно, большинство из них оказались в вынужденной эмиграции (А. Куприн, В. Ходасевич, Ф. Сологуб), были расстреляны (Н. Гумилев) или, в условиях советского режима, всечасно ощущали свою духовную обособленность, изолированность от общества (А. Ахматова).

В том же году состоялось крупное политическое событие в Зарубежной России. Это был «Съезд национального объединения», который открылся в Париже 6 июня 1921 г. Съезд был представительным как по тем ученым и политическим силам, которые участвовали в его работе, так и по своему содержанию. Ход съезда подробно освещала газета «Общее дело» (№ за 6-14 июня 1921 г.). Рассматривались вопросы политического строя Советской России (доклад Г. Б. Слиозберга), экономического положения (доклад С. С. Ольденбурга); русский опыт коммунизма (доклад П. Б. Струве), «азиатская» природа большевизма (доклад А. И. Гучкова) и др. Но главными вопросами, которые стояли на съезде, были задачи, характер и программа русского национального объединения (доклад А. В. Карташева), предпосылки объединения, факторы объединения, цели и задачи объединения и т.д.

Впоследствии, однако, быстро выяснилось, что сама Идея объединения всех сил Зарубежной России для спасения Родины трудно материализуется. Слова плохо воплощаются в дело объединения. И вот здесь, как стало ясно со временем, величайшая роль досталась духовному образу Пушкина — такому, каким его создали, идеологизировали, поместили в центр своего национального сознания сами изгнанники. По выражению М. Д. Филина, составителя и автора вступительной статьи к сборнику эмигрантских работ о Пушкине, извлеченных им из зарубежных архивов и библиотек, Пушкин в этих работах встает как «русская идеология в изгнании». В основе духовной жизни эмиграции, ее ментальности была соборность, включающая веру в Бога, веру в недалекую реставрацию и веру в культуру. Идея реставрации осталась несбыточной. Тем больший вес с течением времени приобретала объединяющая эмигрантов идея приверженности и служения Русской культуре, гармоничным воплощением которой являлось «чудо Пушкина»⁷. *Если Пушкин жив, не умерла Россия — и не один же зверский лик у нее. Подавленному грубостью, некрасотой теперешней России Пушкин обнаружит ее прелесть. Лишенному России он даст обаяние*

ее полей, простых людей, женских сердец, ее гармоний и величия, снегов, метелей, идиллий, любви, меланхолии, безграничности. / В России его следовало бы запретить. Тиранам он отвратен был, есть и будет, и ему они отвратны... Рабу, мрачному хаму без улыбки, мещанину, поднажившемуся на резне, врагу поэзии, бесцельности, мечтательности, другу брюха и поклоннику нагайки Пушкин вреден. / Разно живя в разных душах — для одних лучшее творение Бога в искусстве, для других вождь и пример, для третьих вольнолюбцев, певец родины, — Пушкин, думаю, для всех сейчас — лучшее откровение России. Не России старой или новой: истинной. Когда Италия объединялась, Данте был знаменем национальным. Теперь, когда России предстоит трудная и долгая борьба за человека, его вольность и достоинство, имя Пушкина приобретает силу знамени» (Зайцев Б. Пушкин в нашей душе // Дни. Берлин, 1925. 11 февр.).

В 1924 г. в Эстонии в день рождения А. С. Пушкина впервые с большим успехом прошел День Русского Просвещения, устроенный Союзом русских просветительных и благотворительных обществ. Он дал начало главному празднику русской эмиграции. Вот тогда-то и было составлено специальное воззвание ко всем русским за границей: «...Мы обращаемся к местным русским ассоциациям, обществам и группировкам с призывом организовать ежегодный «День русской культуры» как средство объединения всех русских. Мы предлагаем для этого праздника — день рождения Пушкина, который более других оставил отпечаток своего гения в языке русского народа»⁸. Это воззвание было напечатано почти во всех русских газетах. В 1925 г. в день праздника в Латвии, Эстонии и Чехословакии были выпущены специальные газеты «Русский день», «День русского просвещения», «Русская культура»⁹. С этих пор День русской культуры стал отмечаться повсюду. Отныне, как оказалось, в отличие от Советской России, судьба России Зарубежной была решена, но не оперативным путем, а ментальным и духовным путем (Сим победиши!): обретенным единством своим она была спасена, выстояла и передает нам свои бесценные плоды. Среди них — идеология выживания, столь актуальная для нас сейчас. **Пушкин был духовно здоров... Бытийное добро и духовное здоровье русской национальной стихии — вот что являет собой Пушкин. Пушкин есть художественно отверженный и нравственно утвержденный русский быт ... Пафос малых дел, подвижничество обыденной жизни и пафос служения высшим ценностям, подвижничество публичной деятельности — вот этика Пушкина, вот его учение жизни. Это идеология героического мещанства и героического гражданства... Сохранять и строить жизнь можно, лишь опираясь на эту идеологию** (Зайцев К. Пушкин как учитель жизни // Русская мысль. Париж, 1927. № 1). За последние годы в советской России наблюдается примечательное развитие «пушкинизма», т. е. науки о Пушкине. Старые и молодые ученые выпускают одно за другим исследования о Пушкине... Чем объяснить это увлечение? Только одним. Люди **лечатся** Пушкиным от окружающей их прямо противоположной Пушкину, его исключаяющей действительности (Цуриков Н. А. Заветы Пушкина // Мысли о национальном возрождении России. Белград, 1937). Мы верим в то, что Россия выздоровеет от долгой и тяжелой болезни и вновь зай-

мет подобающее ей место среди мировых государств. Мы не предвидим еще формы власти, под которой она возродится, но уверены, что жизнь ее потечет по широкому и глубокому руслу просвещенного национализма, в котором дружно сойдутся входящие в нее племена, религии и допускаемые государственной мудростью политические партии, работающие на пользу и благо страны. И страшная, кровоточивая борозда, проведенная десятилетним безумием большевизма, заживет. Но рубец от нее навеки останется, как память русского страстотерпчества и как суровый наглядный урок всему миру (Куприн А. Рубец // Борьба за Россию. Париж, 1927. № 33).

В юбилейном 1937 г. состоялась небывалая культурная акция «во всех пяти частях света... а всего в 42 государствах и в 231 городе»¹⁰. Она расценивается как подвиг русской культуры в изгнании. Свою задачу «охранения» русской культуры, русского языка, православной веры и русских традиций в условиях эмиграции Зарубежная Россия выполнила. И во многом выполнила благодаря гению А. С. Пушкина.

Современные исследователи Пушкинианы русского Зарубежья отмечают и разные частные последствия того необычайного положения, которое заняли творчество и личность А.С. Пушкина в «идеологическом поле Зарубежья». Среди них: 1) прагматизм, который ощущается в работах эмигрантов по их отношению к определенным темам и сюжетам у Пушкина (например, внимание не к любовной лирике, а к философско-религиозным мотивам в творчестве Пушкина); 2) мифологизация самого образа поэта (вплоть до присвоения ему звания пророка); 3) поистине народный характер приобщения к Пушкину. Он выразился не только в повсеместном чтении томиков Пушкина, но и в подражаниях ему¹¹.

Нельзя не сказать о том огромном значении, которое придавалось в деле сохранения эмигрантами национальной культуры русскому языку. В заключение мы бы хотели привести здесь слова Ник. Ермакова из статьи «Русский язык» («Новое слово». Берлин, 1937. № 6, 7 февр.): *Много прекрасных языков на свете, как много прекрасных цветов. В это свидетельство Божьего начала мироздания люди мало вдумываются: люди марают свою речь, как и свои одежды... снижаясь до звериного быта, люди и свою речь снижают до звериной. Если бы не было иных свидетельств озверения советского быта, свидетельствует эта искаженная большевиками русская речь. / Язык, как свет и воздух, как суша и воды, есть дар творца. Дар русской речи Творец вручил Пушкину... Россию воскресит ее язык. Унесенная Пушкиным «тайна», кажет-ся, здесь. /... Западные языки явились как **плод**, а не как **завязь** западной культуры. Один лишь русский язык был **завязью** культуры, один лишь он, рванувшись в первые ряды борцов за нашу самобытность, стал водителем их, стал самой культурой. / Как сквозь драгоценное кружево, сквозь русский язык видны и **плоть и дух** русской нации в их постепенном усовершенствовании. О каком еще языке это можно сказать? Как махровый цветок, язык вспыхнул на голенистом и тернистом стебле быта. Как бесценная жемчужина, осветил он дно русского моря.*

Summary

The article is devoted to the role of Pushkin's spiritual image in the "first wave" emigrant' cultural life and ideology.

¹ Из интервью с В. Распутиным // Смена. 1999. 11 июля.

² *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 7 (изд. 15-е). СПб., 1900. С. 227.

³ В августе 1922 г. из России была выслана большая группа ученых, писателей, деятелей культуры, заподозренных в контрреволюционной деятельности.

⁴ В настоящей статье цитаты из эмигрантских публикаций о Пушкине выделены курсивом. В скобках приводятся сведения об авторстве и выходе публикации. Цитаты даются по изд.: В краю чужом... (зарубежная Россия и Пушкин). М.; Рыбинск, 1998.

⁵ Неточность слова принадлежат А. Григорьеву.

⁶ Выставка «Пушкин. Два века русской культуры». СПб., 1999.

⁷ См. об этом во вступ. Статье М. Д. Филина к сб.: В краю чужом... С. 5-38.

⁸ Цит. По: Raeff V. *Russia Abroad*. New York, 1990. С. 211.

⁹ *Кузина Г. А.* Значение «Дней русской культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского Зарубежья. М., 1995. С. 47.

¹⁰ *Лифарь С. М.* Моя Зарубежная Пушкиниана. Париж, 1996. С. 34.

¹¹ *Филин М. Д.* Указ. ст. С. 21-25.

Статья поступила в редакцию 27 октября 1999 г.